

Сов. Россия, 1985, 19 мая, № 15.

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

НАШИ

К 80-летию со дня рождения М. А. Шолохова

Мой родной народ на своих исторических путях шел вперед не по прямой дороге. Это были пути первооткрывателей, пионеров жизни. Я видел и вижу свою задачу как писателя в том, чтобы всем, что написал и напишу, отдать поклон этому народу-труженику, народу-строителю, народу-герою, который ни на кого не нападал, но всегда умел с достоинством отстоять созданное им, отстоять свою свободу и честь, свое право строить себе будущее по собственному выбору.

Я хотел бы, чтобы мои книги помогали людям стать лучше, стать чище душой, пробуждать любовь к человеку, стремление активно бороться за идеалы гуманизма и прогресса человечества. Если мне это удалось в какой-то мере, я счастлив.

Михаил ШОЛОХОВ.

ДАВНЯЯ ВСТРЕЧА В ВЕШКАХ

Литературовед Константин Прийма размышляет о творческих поисках и гражданской позиции писателя

С трудом снял я с чердака в доме Петра Кузьмича Лугового большой ящик, туго набитый старыми газетами. Ветось желтевших страниц... Вырезки из довоенной «Правды», вот несколько номеров «Большевистского Дона» с материалами о Шолохове... И вдруг, среди бумажного старья, листки со знакомым шолоховским почерком: письма к бывшему секретарю Вешенского РК партии Луговому, потом — копия справки, в которой Луговой о событиях 1933 года писал: «...по прямому указанию врагов народа — троцкистов — в Вешенском районе были сознательно допущены перегибы, подвергнуты массовым репрессиям колхозники (арестовывались, выселялись из домов, конфисковывались имущество, училились и другие бесчинства)». Здесь же — копия «Приветственного адреса» Вешенского райкома к академику, орденоносцу писателю М. А. Шолохову в связи с окончанием работы над крупнейшим в мире высокохудожественным, талантливим произведением «Тихий Дон»... «Упорная и напряженная 14-летняя работа над «Тихим Доном» увенчалась блестящей победой», — гласил райкомовский адрес. Наша советская литература обогатилась величайшим романом «Тихий Дон»... Ваше произведение по заслугам сравнивается с лучшими творениями Шекспира...»

Да, да, дорогой читатель, именно «Шекспир». Может, это и ошибка печатавшей машинистки, но в главном вешенцы не ошиблись — в виду, конечно же, имелась в виду гениальность Вильяма Шекспира. Земляки абсолютно точно определили место Шолохова в ряду великих писателей мира! И созвучные аттестации, которые будут звучать во всем мире, — это уже потом.

Еще одной находкой была копия приветственного письма, в котором райком поздравил Шолохова с присуждением за «Тихий Дон» Сталинской премии. «Некоторые критики», — уверенно писали вешенцы, — упрекают Шолохова в том, что он слабо показал классовую борьбу, слабо изобразил большевиков. Но это утверждение неодолимо. Это могут говорить только слепые... На протяжении этих 14 лет (письмо помечено 20 марта 1941 года) правые, левые, блуждающие около них враги народа крепко мешали писателю в работе, то объявляли, что «Тихий Дон» не его, а какого-то убитого офицера, то говорили: поедет Шолохов за границу и оттуда не вернется, то объявляли, что роман «Тихий Дон» — «кулацкий писанье», задерживали издание его книг, травлили в печати, и еще много других провокаций и бед обрушивалось на голову тов. Шолохова. Но все это разбилось как волна о гранит — разбилось вдребезги перед несокрушимостью художественного таланта Михаила Александровича...

В этом же ворохе бумаг была обнаружена копия большого письма Шолохова к Сталину (февраль 1933 г.) о перегибах и нарушении законности, допущенных краевым руководством по отношению к колхозникам и районным работникам, копия телеграфного ответа Сталина, копия второго шолоховского письма Сталину с обоснованием необходимости продовольственной помощи населению Вешенского и Верхне-Донского районов и копия второй телеграммы из Кремля. Здесь же оказалась и «Правда» за 23 марта 1933 года со статьей Шолохова «Результаты непродуманной заботы», в которой писатель смело критиковал краевое руководство.

Документы эти и сейчас нельзя читать без волнения... То было суровое и тяжелое время, то были величайшие и трагические события жизни молодой Со-

ветской республики, которая в обстановке осажденной крепости закладывала основы социализма.

...Именно этим событиям и было посвящено письмо Шолохова Луговому, которое весной 1935 года я вез к Михаилу Александровичу.

До поздней ночи, при керосиновой лампе, сидел я над документами П. К. Лугового. Из писем к Сталину и Луговому было ясно, что тогда под видом борьбы с кулацким саботажем у населения Вешенского района был изъят хлеб, выданный как аванс на трудодни...

В такой обстановке коммунист Шолохов с присущей писателю твердостью, смелостью и принципиальностью поднимается на защиту низовых партийных работников и обращается к Сталину и ЦК с просьбой признать авторитетную партийную комиссию для расследования преступных дел троцкистов, а также просит срочно оказать продовольственную помощь.

Долго не решался я позвонить Шолохову и просить встречи. Когда-то до войны встречались, была даже переписка, но война нарушила, оборвала многое... Напомнить ли о давнем знакомстве? Или рассказать о последних разговорах и только что прочитанных копиях? Или сразу признаться, что собрался сесть за монографию о его творчестве? Решился, услышал голос и был удивлен: оказывается, Шолохов даже мелочей не забыл и приглашал зайти!

Приземистый, крепко сбитый, ответственный, в валенках и меховой куртке, он встретил меня на пороге:

— Ну здравствуй, таманец! А я считал тебя пропавшим без вести, — и крепко пожал руку, приглашая в дом. — А в борьбе что?.. Сухари?

— Книжки, — ответил я и стал доставать их из своего солдатского мешка.

— Монография обо мне пишешь? — не без иронии переспросил меня. — Случное это дело. И что ты за нее взялся? Ты свое пиши... Давай начнем не с вопроса, а с твоей исповеди и закончим моим признанием, — заметил, угощая чаем. Исповедь моя перешла в задушевную беседу, и незаметно робость и все мои опасения рассеялись: Шолохов был таким же, как и в нашу давнюю первую встречу, — чутким, внимательным и пытливым.

— Первое, что хотелось бы уточнить, касается биографии, — говорю я. — Некоторые, да и наш незабвенный Александр Сергеевич, утверждают, что вы были организатором комсомольской ячейки в хуторе Карпине. А мне из давнего разговора с вами помнится, что такого не было.

Шолохов строго посмотрел на меня, сдвинул лобчатые брови, и твердо сказал:

— Юность моя сложилась так, что я действительно не был в комсомоле. Вступил сразу в партию. И мне непонятно, зачем надо приукрашивать мою биографию и приписывать то, чего не было. У нас некоторые литературоведы отличаются на этот счет легкостью мысли необыкновеннейшей.

Из принесенных мною книг он взял ветхую, завернутую в пергамент, — сборник «Лазоревая степь» 1931 года издания.

— Откуда ты ее выкопал? — спросил Михаил Александрович с заметным удивлением. — Давно, ох давно я не заглядывал в эту книжку... Поверь, у меня ее нет...

— Эта тоже не моя, взял на время в областной библиотеке, — отвечаю. — Ведь уже четверть века рассказы не переиздаются. Надо было снова выпустить в свет.

— А в этом есть необходимость?

— Они во многом поучительны, а для молодежи особенно...

— Надо подумать...

— Я писал о том, что досконально знал, — говорил Шолохов. — В «Донских рассказах» я старался писать правду жизни, писать о том, что более всего волновало меня, что было злобой дня для партии и народа... Художественная правда всегда выше и ценнее, чем правда факта.

В каждом рассказе, — обобщил свою мысль Шолохов, — мне хотелось сказать что-то свое, и по-новому. Поэтому над рассказами я работал с адским напряжением.

...Слова эти — «свое, новое и по-новому» — врезались мне в память. Они звучали как девиз писателя. И теперь, спустя столько лет, я отчетливо помню интонацию шолоховского голоса и, как наяву, вижу его застенчивость, с которой он говорил это, и вместе с тем непреклонность, в которой звучал полеток: мол, а иначе зачем писать и браться за перо?

В 50-е годы в нашем литературоведении появились работы, в которых ранние рассказы рассматривались как плеейная предистория «Тихого Дона», хотя к этому не было и нет должных оснований.

— Что вы скажете, Михаил Александрович, об этих новациях? — спросил я.

— Кто-то мне уже об этом писал, — ответил Шолохов, читая страничку, отмеченную мною закладками. — Видишь ли, с точки зрения художественного мастерства, накопления писательского опыта безусловно «Донские рассказы» были пробой пера, литературных сил и потому предшествовали «Тихому Дону». Но нельзя видеть предисторию там, где ее нет! Некоторые литературоведы вырывают из текста слова, сходные места, выражения. Однако все, что они приводят в доказательство, на самом деле не имеет никакого значения в творческой истории создания «Тихого Дона».

...Михаил Александрович сидит на стуле возле камин, ворочит в нем потрескивающие поленья:

— Люблю вот так иногда посидеть, покурить у огня и пожевать странички, которые мне не нравятся...

— Вы не храните черновиков своих, вариантов?

— Если бы я их хранил, то тут уже негде было бы повернуться. Ведь приходится по десять раз переписывать отдельные главы. Где же хранить черновики? И зачем это? Брошу в огонь, что не нравится, и на душе легче, и в голове яснее становится...

— Михаил Александрович, вы знали 25-тысячников Андрея Плоткина и Николая Баюкова?

— Да, знал. Моряка, флотского механика Плоткина и слесаря-путиловца Баюкова я знал хорошо. Много раз встречался с ними и на бюро райкома, и в колхозах, где они работали. Типичное, что я находил в их делах, было воплощено в образе Давыдова.

— А что вы скажете о «Союзе освобождения Дона», который Половцев создает в «Поднятой целине»?

— В те годы на Верхнем Дону была подпольная кулацко-белогвардейская организация. Она имела довольно разветвленную сеть. Был во главе ее и свой Половцев, есаул из станицы Боконской, пытавшийся поднять восстание против Советской власти. Это был умный, хитрый, начитанный и сильный враг. У него, например, кроме оружия, было издано Собрание сочинений Ленина. Есаул этот, как видишь, всерьез изучал ленинизм! На вопрос, что он искал в трудах Ленина, при допросе ответил:

«Чтобы бить врага, надо знать его оружие...» Таков был наш противник в годы коллективизации...

...Еще один вечер. В этот раз я пришел с материалами из архива Лугового. Надо было просить разрешение на публикацию его письма от 13 февраля 1933 года. Шолохов внимательно перечитал его:

— Да, был Петр Кузьмич неутомимый организатор... А теперь, значит, укатили сивку крутые горки... Ты просишь разрешения на публикацию? Что же... Предоставляю все это на твоё усмотрение, — взял снова копии текстов телеграмм Сталина, тепло и проникновенно сказал:

— Да, это было очень трудное время, и вспоминать о нем не хочется. Единственно светлое воспоминание — вот эти телеграммы и та радость, с которой колхозники встретили семенную и продовольственную ссуду правительства.

— А как решилась судьба коммунистов, упомянутых вами в письме к Луговому?

— Все они были восстановлены в партии и возвращены на свои прежние посты. И Петр Кузьмич Луговой был возвращен к нам первым секретарем райкома партии. И все пострадавшие колхозники были отпущены...

— Верно ли, что Сталин прочел «Поднятую целину» в рукописи?

— Да, читал. Редакция журнала «Новый мир» потребовала от меня изъятия глав о раскулачивании. Все мои доводы отклонились. Пришлось обратиться за советом и помощью к Сталину. Прочитав в рукописи «Поднятую целину», Сталин сказал: «Что там у нас за путаники сидят? Мы не побоялись кулаков раскулачивать — чего же теперь бояться об этом писать! Роман надо печатать!»

— Нельзя ли познакомиться с рукописью «Поднятой целины», с вариантами отдельных глав, чтобы проследить вашу работу над словом и образом?

Шолохов встал, закурил и долго молча ходил по комнате. Затем подошел вплотную и сурово сказал:

— Нельзя! Весь мой архив, в том числе и рукописи романа «Поднятая целина», — все пропало в годы войны...

...Мы долго сидели молча, понимая, сколь велика утрата. Потом я опять спросил:

— Приходилось слышать еще до войны, что вы много работали над второй книгой «Поднятой целины», какова ее судьба?

— Рукопись утрачена со всем архивом. Теперь я пишу вторую книгу романа заново и по-новому, так как то, что было написано до войны, мне не нравилось... Нелегко. Во всяком случае, труднее, чем писал первую часть. Читатель стал взыскательным. Да и я слова-сырпа не люблю. Хочется написать хорошую, полноценную книгу. Признаться, некоторые главы дались с огромнейшим трудом. Пришлось переписывать по семь и десять раз. И все же кое-что еще не завершено. Вот не даются последние три главы. Чем закончится роман? Трудно сказать... Я сейчас раздумываю над концовкой. Могу твердо сказать одно — финал будет драматичен, будут жертвы.

...Уезжал я из Вешек ночью. Тучи облепили небосклон. Дул холодный ветер — сиверко. Старый катерок шел вниз по течению. И лишь один огонек на высоком берегу Дона — в доме Михаила Шолохова — горел неугасимо. Он был виден, когда мы сошли на берег в Базахе, и когда ехали по улицам станицы, и когда поднимались на крутые возгоры.

ст. Вешенская — Ростов-на-Дону, 1955—1985 гг.